

Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт

Прошедший 18–24 октября 2017 года в Пекине XIX съезд Коммунистической партии Китая с точки зрения символики и ритуала практически ничем не отличался от китайских партийных съездов прошлых лет (по Уставу КПК они проводятся не реже чем раз в пять лет, предыдущий проходил в ноябре 2012 года). Серп и молот на желтом занавесе, задрапированная красными знаменами сцена большого зала Дома народных собраний на площади Тяньаньмэнь, президиум, в котором непременно присутствуют лидеры прошлых поколений, исполнение гимна страны (со словами) в начале и “Интернационала” (без слов) при закрытии, доклад генерального секретаря, первый пленум ЦК, выход новых членов Постоянного комитета Политбюро к журналистам (журналисты не имеют возможности задавать вопросы, с кратким заявлением выступает лишь сам генсек).

Однако несмотря на кажущуюся неизблемость государственного порядка, съезд стал не просто дежурным подведением итогов первой пятилетки Си Цзиньпина на высших постах. Партийный форум в деталях показал, насколько изменилась система власти с 2012 года и каких перемен (может быть, не менее радикальных, чем реформы Дэн Сяопина) можно ожидать в будущем.

Ни предчувствия новой эпохи, ни ожидания значимых перемен, пожалуй, не было по итогам прошлого, XVIII съезда, сформировавшего новое руководство и выдвинувшего Си на роль лидера партии и государства. Представители пятого поколения во главе

с Си Цзиньпином в 2012 году казались многим наблюдателям предсказуемыми продолжателями правления Ху Цзиньтао (по китайской политической терминологии олицетворявшего четвертое поколение¹).

Обсуждение консерватизма новой команды стало тогда общим местом в аналитических материалах, посвященных плановой смене поколений в китайской политике². При этом прогнозы отличались удивительным единодушием, даже несмотря на то, что эксперты по-разному оценивали возможности эволюции китайской политической системы. Одни, как, например, профессор George Washington University Дэвид Шамбо (David Shambaugh), утверждали, что Си Цзиньпин скорее проявит себя как типичный аппаратчик-технократ, крайне осторожный в реформировании чего бы то ни было. Многие наблюдатели полагали, что для того, чтобы выступить с самостоятельной программой, Си Цзиньпину понадобится не менее двух лет; всё это время, а может быть даже и весь первый пятилетний срок, он будет находиться в тени руководителей прежних поколений — Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя — и сложившийся политический механизм серьезно не поменяет. Яркую фигуру, способную провести в жизнь свою повестку, в Си Цзиньпине тогда не увидели — в лучшем случае ожидали продолжения эволюционных реформ. Как писал известный американский специалист по китайской элите Чэн Ли (Cheng Li), команда во главе с Си Цзиньпином и Ли Кэцяном выступит “слабее, чем предшественники, в связи

с отсутствием прошлых достижений... Поэтому им придется даже больше полагаться на коллективное руководство во время принятия важных решений”³.

Интересно, что, хотя в тот момент Шамбо считал КПК “сильным и устойчивым институтом”⁴, а Чэн Ли не разделял идею об эластичности и устойчивости китайского авторитаризма, в оценке того, как поведет себя “пятое поколение”, эти два эксперта были едины. Чэн Ли, правда, делал оговорку: поскольку адаптационные возможности партии на пути проведения половинчатых реформ полностью исчерпаны, для Си Цзиньпина единственный способ избежать народного восстания — приступить к радикальным и системным демократическим реформам.

Перечень таких преобразований разные китайские и зарубежные авторы видели по-разному, но в целом он включал юридическую реформу, основанную на верховенстве закона, демократизацию самой партии, в частности введение внутрипартийных конкурентных выборов, обеспечение свободы СМИ. Правда, было не вполне понятно, каким образом слабая партия и слабое государство (по определению Чэн Ли) решатся на столь радикальные реформы. Видимо, к этому шагу руководство КПК должно было подтолкнуть чувство самосохранения, которое диктовало необходимость во имя удержания власти поделиться частью полномочий с обществом. Как писал Чэн Ли, “создав экономическое чудо, (общество) не остановится перед воротами политической демократии”⁵.

О дискуссии, связанной с приходом к власти “пятого поколения”, полезно вспомнить по двум причинам.

Во-первых, потому что в 2012–2013 годах речь действительно шла об исторической развилке, о выборе, от которого зависела судьба крупнейшей в мире партии. Дело Бо Силая — партийного секретаря крупнейшего китайского мегаполиса Чунцина, накануне XVIII съезда исключенного из партии за коррупцию, показало, до какой степени морального падения дошли некоторые представители высшей китайской элиты. Параллельно с делом Бо Силая расследовалось убийство, совершенное его женой Гу Кайлай. Супруга ре-

гионального “цезаря”, по профессии адвокат, отравила британского подданного — сюжет жуткий, прямо средневековый⁶. Важно заметить, что Бо Силай до исключения из партии считался одним из перспективных политиков; среди его поклонников были и зарубежные “тяжеловесы” вроде Генри Киссинджера, лично бывавшего в Чунцине. Бо Силай и разоблаченные позднее член Постоянного комитета Политбюро и куратор всей правоохранительной системы Чжоу Юнкан, начальник Канцелярии ЦК КПК Лин Цзихуа и крупные военачальники, торговавшие должностями и воинскими званиями, — все это свидетельства того, что идеалы меритократии, о которых с гордостью заявляли в Китае, оказались недостижимыми. Какие еще ужасы и потрясения мог породить стагнирующий авторитаризм, если бы инерционный сценарий воплотился в жизнь, можно только гадать.

Во-вторых, экспертные оценки, высказанные в 2012 году после прихода к власти Си Цзиньпина, помогают ответить на вопросы, чем был предопределен курс, выбранный Си, в чём он заключался и почему почти никому не удалось предсказать траекторию развития Китая между двумя партийными съездами. Такой “аудит” прогнозов дает возможность понять, что же произошло на партийном съезде 2017 года, который не только позволяет включить Си Цзиньпина в пантеон партийных идеологов, но объявляет о начале “новой эпохи” развития “социализма с китайской спецификой”.

Основная причина неверных прогнозов — упрощение происходящего в Китае, сведение сложной ситуации в огромной стране к простым и понятным сюжетам вроде противостояния косной политической системы и все более требовательного среднего класса; линейные интерпретации, когда однажды сделанный политический выбор кажется незыблемым и дальнейшие события предопределены этим решением на многие годы вперед. Считалось, например, что в КНР уже выстроен уникальный механизм коллективного руководства, запущена и исправно функционирует институциональная система передачи власти. Начиная с эпохи Дэн Сяопина многие китайские и зарубежные политологи

уверенно писали о том, что благодаря тщательно разработанным и жестко реализуемым правилам Китая удалось избавиться от заговоров и подковерных интриг; в результате политический механизм в Китае действует — может быть, и не очень эффективно, но предсказуемо и без потрясений.

Некоторые опасения по поводу политического будущего КПК возникли, правда, в связи с замедлением роста китайской экономики и, соответственно, сокращением финансовых ресурсов — отчего стало сложнее справляться с социальными конфликтами. Еще одна проблема возникла в связи с развитием интернета — активность граждан в социальных сетях все больше беспокоила власти. Тем не менее либеральный вариант — с большими полномочиями регионов и созданием четко работающих каналов обратной связи между властью и обществом — многие наблюдатели считали не просто вероятным, но единственно возможным решением. Кроме того, по мнению ряда экспертов, социальные сети могли служить на пользу государственным органам как источник представлений о том, чем живет общество, а также выполнять функцию клапана для выпуска пара. Разве не это интересует политическую элиту?

Тот же Чэн Ли, точно диагностируя растущую слабость и уязвимость партийно-государственной системы, неверно оценил, какой выход подскажет инстинкт самосохранения правящему классу. Самое сомнительное место его рассуждений — заблуждение, которого, впрочем, мало кто избежал, — состояло в том, что сильные политики остались где-то в прошлом, что в Китае приходит время более сильного общества. На рубеже смены поколений неминуемым казался не просто конец “гибкого авторитаризма” под напором все более либерально настроенного общества, но и окончательное расставание с эпохой вождей, отказ от жесткой централизации власти и всего, что ей сопутствовало — массовой демонстрации лояльности, портретов, титулов, здравий и т.д.

В уже упомянутой статье Чэн Ли в *The China Quarterly* он решительно отвергал возможность авторитарного ренессанса — возвращения эры силовой политики: “На про-

тяжении последних трех десятилетий Китай постепенно отходил от правления одного харизматичного и всемогущего лидера, такого как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, к коллективной форме руководства. Эта трансформация закончила эру политики сильных личностей и, в определенной степени, длительную историю волюнтаристского процесса принятия решений в Китае отдельным индивидуумом”⁷.

Однако инстинкт просвещенной части правящего класса, олицетворением которой стал Си Цзиньпин, подсказывал совсем иной маневр. Он сводился к тому, что для решения накопившихся за годы реформ проблем — растущей коррупции, всевластия групп интересов, социального расслоения, моральной деградации общества и идеологического вакуума — необходимо возвращение на политическую сцену не общества, а сильного лидера. Выбор силовой политики вместо постепенного ослабления контроля над обществом составляет суть модели государственного управления, которая вполне может быть обозначена как *сицзиньпинизм*⁸.

Антикоррупционная кампания не ограничивалась собственно борьбой с коррупцией — острой (и, надо сказать, достаточно традиционной) проблемой Китая; она стала важным инструментом консолидации власти в руках нового генсека и источником легитимации власти в глазах населения. Последовательно нанося удары по наиболее крупным чиновникам (“тиграм”), Центральная комиссия по проверке дисциплины во главе с соратником Си Цзиньпина Ван Цишанем разрушала патрон-клиентские отношения и связи между группами интересов, в которых могла зародиться оппозиция сильному лидеру.

Той же цели — устранению множественности центров власти — служили меры по постепенному оттеснению высокопоставленных отставников от процесса принятия решений. “Отставная политика” — то есть обязательные консультации с руководителями прежних поколений — была частью системы коллективного руководства. Считалось, что таким образом обеспечивается последовательность курса и приоритет долгосрочных политических интересов. На деле это приводило к параличу власти, особенно при кадровых

назначениях, поскольку соперничающие группировки использовали в качестве политического капитала “голоса” влиятельных политиков, уже покинувших свои посты. Ясно, что для Си Цзиньпина, который сделал выбор в пользу “сильной политики”, опека со стороны Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао свела бы на нет все усилия по консолидации власти.

Особое внимание наблюдателей вызвал комментарий в “Жэньминь жибао” под заголовком “Диалектически подходить к принципу «человек ушел, чай остыл»”. В статье отмечалось, что основная часть китайских чиновников после ухода в отставку правильно понимает изменение своего положения и не пытается вмешиваться в дела нынешних руководителей. Однако некоторые отставные чиновники все-таки пытаются повлиять на принимаемые решения — самостоятельно или через свои связи. Как сказано в статье, “некоторые руководящие работники, когда находятся у власти, расставляют своих людей, с тем чтобы создать условия для сохранения своей власти”. Статья без особых иносказаний давала понять отставникам, что их чай окончательно остыл.

Размывание института коллективного руководства шло по двум направлениям — создавались “параллельные” институты, где Си Цзиньпин должен был играть главенствующую роль, а кроме того, генсек приобретал особый статус, который выделял его и на фоне нынешних политиков, и на фоне предшественников, которые все-таки были “первыми среди равных”. Особый статус Си Цзиньпина создавался постепенно — и средствами пропаганды, и инструментами символической политики. Причем в первые год-полтора партийные документы, в которых говорилось о политической лояльности центру, чаще всего даже не упоминали имени Си Цзиньпина.

Накануне суда над Бо Силаем в июле 2013 года в китайских СМИ появился примечательный комментарий агентства *Синьхуа*, который начинался со стихотворной строчки танского поэта Ли Хэ: “В благодарность за щедрость правителя подниму меч и умру за императора”⁹. Автор комментария пояснял, что хотя феодальные времена уже прошли, однако беспрекословная ло-

яльность чиновников центру — требование времени. Далее в статье эта мысль изложена так: “Во всем поддерживать решения центра, подчиняться центральному руководству, чиновникам — не предаваться эгоистическим помыслам, не искать личной выгоды... — все это по-прежнему является непоколебимой ведущей тенденцией эпохи”.

В комментарии *Синьхуа* чиновников призывали “решительно поддерживать решения ЦК, не отступать назад, не пребывать в нерешительности”. На первое место в этой формуле поставлена политическая лояльность местного руководителя, его верность общепартийному курсу. Весьма двусмысленная аналогия “император — ЦК партии” могла бы выглядеть настоящей крамолой, но только не в данном случае. Видимо, проблема с “колебаниями чиновников” и с возникновением своего рода удельных княжеств на тот момент была все еще очень серьезна. Поэтому идею вертикали, замкнутой на “императора”, было решено изложить в такой несколько утрированной манере. Линия аргументации заключалась в том, что в истории Китая лишь защита авторитета центра и всеобщее подчинение центральной власти позволяли обеспечивать “долговременный порядок и долгосрочную стабильность”. Слова о преданности — но не коллективному центру, а лично Си Цзиньпину, — сильно напоминающие рассуждения комментатора *Синьхуа*, вскоре стали звучать в официальной риторике.

Что касается особых “параллельных” партийно-государственных институтов, то здесь следует прежде всего выделить Совет государственной безопасности (СГБ), одну из самых загадочных структур, созданных после прихода Си Цзиньпина к власти. Предложения о создании мощного “штаба” всей системы обеспечения внутренней и внешней безопасности выдвигались задолго до Си Цзиньпина. В 1997 году председатель КНР Цзян Цзэминь планировал создать в системе власти орган, функционально напоминающий Совет национальной безопасности США, однако тогда китайскому руководству не удалось прийти к консенсусу. Излишнюю централизацию силового блока, видимо, посчитали преждевременной и противоречащей тому

порядку, который установился со времен Дэн Сяопина, когда ведомства и их кураторы дополняли и уравнивали друг друга. Решение об образовании СГБ было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 года. Первое заседание Совета, согласно официальной информации, состоялось 15 апреля 2014 года и прошло под председательством самого Си Цзиньпина.

Хотя о работе Совета в открытой печати почти ничего не сообщается, по мнению аналитиков возникновение нового ведомства отражает озабоченность Си Цзиньпина углублением внутренних и внешних угроз, что и заставило его реанимировать старую идею о радикальной модернизации системы управления силовыми структурами. Через десять дней после первого заседания СГБ, выступая перед членами Политбюро ЦК КПК, Си Цзиньпин подчеркнул, что «в новой обстановке государственная безопасность и социальная стабильность в нашей стране сталкиваются с возросшим количеством угроз и вызовов, эффект взаимодействия которых становится особенно заметным»¹⁰. Генсек потребовал от различных регионов и ведомств претворять в жизнь комплексную концепцию государственной безопасности.

В сфере ответственности СГБ находится весь перечень проблем, связанных с традиционной и нетрадиционной безопасностью. Таким образом, СГБ координирует деятельность таких ведомств, как министерства иностранных дел, обороны, юстиции, общественной и государственной безопасности, а также подразделений Народной вооруженной полиции (аналог внутренних войск).

Жестко централизованная структура управления в сфере безопасности была необходима Си Цзиньпину и для того, чтобы застраховаться от произвола местных администраций, которые могут играть свою игру либо приукрашивать ситуацию в своих регионах — и, соответственно, затруднять работу по профилактике социальных конфликтов. В целом политика в сфере укрепления внутренней стабильности отражает стремление руководства КПК радикально реформировать механизм принятия решений, касающихся самого существования политической власти в Китае.

Централизация принятия решений в экономической и социальной сфере также была реализована путем усиления «надстроечных» координирующих структур, подчиненных лично Си Цзиньпину. Для этого генсек воспользовался так называемыми руководящими рабочими группами. Эти межведомственные органы, занимающиеся выработкой и координацией политики на определенном направлении, существовали и при прежних руководителях и носили по большей части консультационный характер. Однако именно при Си они стали все больше превращаться в ключевой институт формирования внутренней и внешней политики. Си Цзиньпин лично возглавил созданную в 2013 году Руководящую рабочую группу по всестороннему углублению реформ.

С января 2014 года по август 2017 года состоялось 38 заседаний группы, и почти каждое завершалось публикацией концептуальных документов, касающихся широкого спектра вопросов — от развития футбола в Китае до создания национальных природных парков, от вопросов налоговой реформы до функционирования системы высшего образования и науки. Принятые руководящей группой постановления рассылались Канцелярией ЦК КПК и Госсоветом — редкая практика для подобных координирующих структур. Это посылало сигнал всему бюрократическому аппарату, что даже социально-экономические вопросы, обычно являющиеся зоной ответственности премьера и вице-премьеров, замкнуты теперь на верховного лидера.

Си Цзиньпин серьезно укрепил свои позиции в армии — и путем антикоррупционных чисток, которые затронули широкий круг назначенцев прежних руководителей, и с помощью реформы системы военного управления. Кроме привычного для генсека титула председателя Центрального военного совета, Си Цзиньпин добавил к своим регалиям еще одну важную должность — главнокомандующего Центра объединенного оперативного командования.

К концу своего первого пятилетнего срока Си Цзиньпин подошел, обладая широчайшими властными полномочиями и особым статусом «ядра» партии. С октября 2016 года

в партийной печати стала широко употребляться формулировка “Центральный комитет с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра”. Фактически это означает именно то, что, как казалось многим, осталось далеко в прошлом, — превращение Си Цзиньпина в “председателя всего”¹¹, возвращение политики “сильного лидера” и одновременно начало конструирования новой политической реальности, невзирая на прошлые договоренности внутри элиты.

Накануне XIX съезда произошло событие, которое четко обозначило, что система назначения преемника “через поколение” более не действует. Был задержан для партийного расследования, снят со своих постов и впоследствии исключен из партии член Политбюро ЦК КПК Сунь Чжэнцай, которого раньше многие рассматривали в качестве претендента на вхождение в Постоянный комитет Политбюро КПК; после XX съезда Сунь Чжэнцаю прочили должность премьера Госсовета КНР.

Впрочем, о том, что на XIX съезде не будут названы преемники — ни главы партии, ни главы правительства, аналитики говорили задолго до “падения” Сунь Чжэнцай. В новый состав Постоянного комитета Политбюро не вошел никто из политиков условного “шестого поколения” (родившихся не ранее 1960 года). Это недвусмысленно говорит о том, что от прежней “стажировки” сменщиков на вторых ролях, которую проходили в свое время Си Цзиньпин и Ли Кэцян на постах заместителя председателя КНР и первого вице-премьера, теперь точно отказались.

Назначения на ключевые посты в партийной бюрократии, которые последовали по окончании съезда, говорят о том, что Си Цзиньпин уже не скован обязательствами коллективного руководства и уверенно составляет на наиболее важные участки лично преданных себе людей, даже не пытаясь соблюсти баланс между интересами различных группировок. Так, “тень” Си Цзиньпина и глава его личного секретариата Дин Сюэсян получил пост главы Канцелярии ЦК КПК, ключевого органа по текущему управлению всем партийным аппаратом. Новые назначенцы, пришедшие на замену руководителей партийных комитетов в регионах, также отобра-

ны лично Си Цзиньпином. На первом после съезда заседании Политбюро ЦК было объявлено о том, что теперь все его члены должны ежегодно письменно отчитываться перед генеральным секретарем о своей работе.

Особую роль “ядра партии” проиллюстрировал обновленный Устав, в котором появилось упоминание о вкладе нынешнего генсека в партийную теорию: речь идет об идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Из прошлых руководителей поименно в этом контексте названы лишь Мао и Дэн. Зато в разделе об армии упомянут вклад лишь одного человека — дается высокая оценка “идеям Си Цзиньпина об укреплении армии”. Одновременно на первой полосе ведущей партийной газеты “Жэньминь жибао” сообщение о выборах нового состава руководящих партийных органов сопровождалось огромным портретом Си Цзиньпина и небольшой общей фотографией членов Постоянного комитета. Возвращение “эры больших портретов” получило дальнейшую интерпретацию со стороны некоторых энтузиастов в регионах — так, одна из местных газет в провинции Гуйчжоу (юго-запад Китая) напечатала на первой полосе большой портрет Си Цзиньпина с подписью “великий вождь, генеральный секретарь товарищ Си Цзиньпин”. Университеты и институты стали наперебой создавать в своих структурах новые исследовательские центры для изучения “идей Си”. В свою очередь, армейские музыканты сняли видеоклип “новой эпохи” — песня называется “Быть хорошим солдатом председателя Си”.

Внешние атрибуты, напоминающие времена Мао, видимо, раздражают даже представителей партийной элиты — так, формулировка “великий вождь”, похоже, признана неудачной, и номер с портретом с сайта газеты исчез. С другой стороны, агентство *Синьхуа* опубликовало пространный материал, где в восьми главах перечисляются достижения Китая под руководством Си Цзиньпина и в каждой дается определение “штурману новой эпохи”. Среди официально утвержденных титулов — “ядро партии, сформированное в ходе великой борьбы”, “ответственный стратег национальных реформ и развития”,

“главнокомандующий, трансформирующий армию и национальную оборону” и др.

При Си Цзиньпине в официальных документах стали часто писать о “политической этике” или “политической экологии”, имея в виду новый свод правил, которые должен соблюдать аппарат, чтобы сохранить моральный авторитет и жизненную силу партии, с тем чтобы сама партия по-прежнему оставалась центральной частью политического ландшафта Китая. В новой редакции Устава КПК теперь записано — “на востоке, западе, юге и севере — партия руководит всем”. От коммунистов Устав требует “неуклонно защищать авторитет ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, и поддерживать его единое централизованное руководство”.

Добавление такой формулировки в “партийную конституцию” фиксирует положение, когда нынешний генсек является центральной фигурой партийного руководства, власть которого простирается по всем направлениям компаса. Коль скоро такое положение внесено в Устав, видимо влияние Си сохранится и после XX съезда. В какой форме, сказать пока сложно: будет ли это третий срок (учитывая то, как много гласных и негласных правил Си Цзиньпин уже изменил, нельзя исключать и этого), либо Си Цзиньпин будет по-прежнему определять китайскую политику по модели Дэн Сяопина, который был лидером с непререкаемым авторитетом и после того, как перестал занимать высшие официальные посты.

Си Цзиньпин вряд ли очарован идеями Мао, поскольку и он сам, и его отец — видный

партийный деятель Си Чжунсюнь — пострадали во время “культурной революции”. Для лидера “пятого поколения” поворот к политике “сильной личности”, вероятно, мыслился как часть сложного стратегического маневра. Его цель состояла в том, чтобы не допустить чрезмерной зависимости от какой-то одной группы интересов или фракции. Все эти сложные комбинации требований лояльности, постоянных антикоррупционных ударов и конфуцианских кодексов для чиновников чем-то напоминают пресловутый призыв Мао открыть “огонь по штабам”. Если судить по документам и итогам съезда, Си по-прежнему видит задачу в том, чтобы обеспечить непререкаемый авторитет высшей власти по отношению к бюрократии, раздираемой многочисленными групповыми противоречиями и сильно привязанной к прежней модели развития, ориентированной на безудержный и несбалансированный рост.

Те, кто пытается сегодня предсказать дальнейший ход развития Китая, рискуют совершить ту же ошибку, которая была сделана пять лет назад, когда прогнозисты называли выбранный курс безальтернативным и устойчивым. За пять лет магия “сильной личности”, безусловно, глубоко проникла в ткань китайской политической системы, но изменила ли она эту систему — большой вопрос. По-прежнему можно ожидать неожиданностей — и от притворно лояльных чиновников, и от все более сложного общества, которое будет гораздо труднее очаровать и подчинить “ядру”, чем партийную бюрократию.

Примечания

- 1 В Китае принято выделять пять поколений руководителей КПК: первое — поколение Мао Цзэдуна, второе — Дэн Сяопина, третье — Цзян Цзэминя, четвертое — Ху Цзиньтао, пятое — Си Цзиньпина. С учетом действовавшей до сих пор практики сменяемости элит шестое поколение должно занять лидирующие позиции в 2022–2023 годах.
- 2 BLANCHARD B., WEE S-L. *China names conservative, older leadership* // Reuters. 2012. November 12nd. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-congress/china-names-conservative-older-leadership-idUSBRE8AD1GF20121115> (доступ 09.12.2017).
- 3 CHENG LI. *The End of the CCP's Resilient Authoritarianism? A Tripartite Assessment of Shifting Power in China* // The China Quarterly. 2012. September. Vol. 211. P. 595–623. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/shifting-power-china-lic.pdf> (доступ 09.12.2017).
- 4 SHAMBAUGH D. *China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Berkeley, CA: University of California Press, 2008. P.176.
- 5 CHENG LI. *Ibid.* P.619.
- 6 В августе 2012 года за убийство британского бизнесмена Нила Хейвуда Гу Кайлай была приговорена к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года (в китайской юридической практике это, как правило, означает замену смертной казни пожизненным заключением).
- 7 CHENG LI. *Ibid.* P.619.
- 8 Подробнее см.: Денисов И. Е. *Об основах сициньпинизма. Идеологический портрет “пятого поколения” руководителей КНР* // Тетради по консерватизму. 2015. №. 5. С. 112–118.
- 9 薄熙来受审 令出一门方能不偏不倚 // Supreme people's procuratorate of the People's Republic of China. 2013. July 25th. URL: http://www.spp.gov.cn/zd gz/201307/t20130725_60777.shtml (доступ 09.12.2017).
- 10 习近平:要使暴力恐怖分子成为“过街老鼠 人人喊打” // Xinhua. 2014. April 26th. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-04/26/c_1110426869.htm (доступ 09.12.2017).
- 11 *Xi Jinping's leadership. Chairman of everything* // The Economist. 2016. April 2nd. URL: <https://www.economist.com/news/china/21695923-his-exercise-power-home-xi-jinping-often-ruthless-there-are-limits-his> (доступ 09.12.2017).